Девятнадцатое мая, вторник; 2037 год; центр старого города; 02:30.

Потрескивание сухих дров, завывание ветра, блуждающего между скелетов высотных зданий и далёкий рёв дизельных двигателей, создавали собой атмосферу небывалого умиротворения этой безоблачной ночью. Небо искрилось мириадами звёзд, а Млечный Путь нависал ровно над широким проспектом, ограждённым с обеих сторон руинами зданий. Казалось, что этот район города был полностью отдан во власть дикой природы, чему свидетельствовали не только высокие деревья, проросшие прямо из асфальта, но и огромное обилие травы и мелкого кустарника. Однако это было далеко не так и даже сейчас, среди убаюкивающей симфонии мёртвого города, можно расслышать чьи-то тихие голоса и далёкий, едва уловимый мужской смех. В основном они доносились со стороны входа в подземку, представляющего собой странное на вид здание в стиле раннего деконструктивизма, снабжённое массивным стеклянным козырьком. Прямо под ним, среди зелени, проросшей из-под тротуарной плитки, горел костёр в металлической бочке.

Напротив него стоял тёмный силуэт человека в плаще, отбрасывающего длинную и весьма жуткую тень. Он держал у огня руки, а когда отворачивался от него, чтобы поднять с земли обломки старой мебели и подкинуть их в огонь, то желтоватый свет пламени падал на маленькие белые треугольники, которыми был испещрён его чёрный плащ сверху донизу.

Этому шестнадцатилетнему юноше не было холодно, он не стоял в карауле, а просто наслаждался моментом, получая искреннее удовольствие от любования пламенем. К тому же ему нравилась прохлада и свежесть ночного воздуха, в котором ощущался слабый аромат моря и запах костра. И именно этот букет приятных сердцу ароматов, навевал ему воспоминания о детстве, о жизни в деревне и о любимой сестре.

Резкий порыв ветра всколыхнул его неопрятные, давно не стриженные тёмные волосы и распахнул плащ, обнажив чёрную рукоять катаны, в оплётке которой также присутствовал ряд белых треугольников. И даже сая, будучи иссиня-чёрной, имела на себе вкрапления треугольных фигур разных размеров, хаотично разбросанных по всей длине.

Когда ветер угомонился, юноша поправил спадающую на свело-карие глаза чёлку и едва заметно улыбнулся. Сделал он это машинально, поддавшись приятным воспоминаниям и выглядел в данный момент настолько восхитительно, что ни одна девушка не смогла бы устоять перед его феноменальной красотой. Однако сам он своей почти девичьей смазливости не сознавал и никогда ей не пользовался. Ему было совершенно начихать на то, как он выглядит, отчего становился ещё более обаятельным и харизматичным.

Резкий шорох, отдалённо похожий на крадущиеся шаги, донёсся до него откуда-то слева. Там, среди густых кустов и ржавых машин кто-то лениво бродил, будто пытаясь незаметно подкрасться к нему. Осознание этого отразилось на его лице ещё более яркой, счастливой улыбкой, но в следующее мгновение он печально вздохнул, когда увидел, что из кустов на него вышел рогатый олень. Юноша пристально всматривался в его крупные глаза, прислушиваясь к тому, как он жадно обнюхивает доносящийся до него дым. И вот, когда молодой человек уже

было потерял к нему всяческий интерес — прямо перед диким животным появился маленький блуждающий огонёк*, светящийся тусклым, голубым сиянием.

Ухмыльнувшись, юноша посмотрел прямо перед собой и увидел тысячи, сотни тысяч светло-голубых огоньков разных размеров, которые, словно крохотные звёзды, упавшие с неба, заполонили собой всё пространство вокруг. Они хаотично двигались, мерцали, вызывая в сердце юноши неподдельный трепет восторга, пик которого пришёлся на момент, когда он взглянул на небо. Находящиеся перед ним огоньки и звёзды перемешались воедино, образовав волшебной красоты связь между ночным небом и этим богом забытым местом. На какое-то мгновение ему даже показалось, что он парит среди них. Но вот совсем скоро огоньки начали гаснуть и он обернулся к девушке, которая стояла прямо позади него. Её глаза ярко светились во тьме цветом блуждающих огоньков, а уголки губ были слегка приподняты в скромной улыбке.

«Ты почему не спишь?» — одновременно сказали они, но рассмеялся один только юноша, а девушка молча подошла к костру, осветив исходящим от него светом безупречные черты своего лица. Она была настолько же прекрасна, насколько был прекрасен молодой человек, а причина тому полное, почти идентичное внешнее сходство. Даже цвет глаз у них был одинаковым. И только при ближайшем рассмотрении можно было обнаружить мелкие отличия, обусловленные в основном женственностью и природной хрупкостью девушки. Ведь она была более чем на голову ниже его, а её длинные прямые волосы достигали поясницы и почти в самом низу были повязаны голубенькой ленточкой.

Помимо очевидных физиологических различий, они отличались плащами, но отличие это заключалось лишь в том, что где у юноши были треугольники — у девушки красовались круги. И это касалось не только плаща, но и рукояти меча, и даже сая.

— Волнуешься за женщину? — очень нежным, тихим голосом сказала она.

— С чего это вдруг? Она получила по заслугам.

— Значит дело в слухах?

Юноша тяжело вздохнул, усмехнулся и, глядя прямо ей в глаза, сказал:

— И кого я пытаюсь обмануть?

— Я оказалась права?

— Как и всегда… Но у слухов есть все основания оказаться правдой, слышишь? — молодой человек приложил к уху ладонь, обтянутую кожаной перчаткой, и прислушался к далёкому рёву дизельных двигателей. — Танки уходят из города.

— Уходят… — без какой-либо заинтересованности в голосе сказала она, глядя на звёздное небо. — И это вовсе ничего не значит.

— Ну а зачем они, по-твоему, проводили собрание? Что на нём обсуждали?

— Не знаю.

— Чтобы договориться с правительством о союзе для противоборства Альянсу.

— Ты дурак, Ёкай.

— А ты дурачка, Инка.

Девушка устало зевнула, поднесла к огню бледные, хрупкие руки и очень жалостливым тоном сказала:

— Пойдём спать? Не могу заснуть одна. Мне тут немножечко страшно.

— А чего ты боишься? — Инка пожала плечами. — Ну, потерпи немного. Осада закончилась, а это значит, что нам здесь больше делать нечего. Утром я поговорю с начальником штаба и попрошу переправить нас в город. Там тебе всяко будет уютнее.

— Ну не знаю, не знаю… — сказал вышедший из здания метрополитена мужчина за сорок. Его волосы были белее самого белого снега, а лицо покрылось настолько глубокими морщинами, что он выглядел лет на двадцать пять старше своего возраста. Из одежды на нём были одеты самые обычные тёмные джинсы и лёгкий пуховик.

— Доброй ночи, — сказала Инка и вежливо поклонилась ему.

Мужчина с нескрываемым восторгом посмотрел на неё и перевёл взгляд на юношу, лицо которого выражало растерянность.

— А мы только о вас говорили… — сказал Ёкай и, почесав в затылке, нехотя посмеялся.

— А я давно хотел узнать: насколько и кто из вас старше?

— Мы не знаем, — подавив раздражение, сказал юноша. — Нам не у кого было это спросить. Да и смысла в этом особого нет.

— Ну как же так, неужели вам самим не интересно? Даже если счёт идет на минуты… —наигранно разочарованным тоном сказал мужчина и, в мгновение воодушевившись,

продолжил: — Завтра… нет, уже сегодня утром вы отправитесь в пансион, если, конечно, удастся уладить вопрос с вашей переправой за стену. Так что идите спать. Не то дурачитесь здесь, представление караульным устраиваете. Они весь радиоканал своими восторженными воплями загадили… И, кстати, не стоит думать, что в городе настолько уж прекрасно. До появления молота это действительно было так, да и с ними вроде как прекрасно уживались, особенно когда нашли общий язык с политиками и так называемыми покровителями города. Но сейчас вся бронетехника и солдаты, участвующие в осаде, передислоцируются к городской стене. А с какой целью это делается нам неизвестно. Вполне возможно грядёт нечто ужасное и если…

— Скажите честно, — перебил юноша, — Сопротивление заключило союз с правительственной армией?

Мужчина от всей души рассмеялся и снисходительно посмотрел на него.

— Инка, золотце, забирай братца и топайте спать, вам рано вставать.

— Хорошо, — сухо сказала она и схватила брата за плащ.

— Значит это не слухи… они на самом деле пошли на это. Но зачем? Какой во всё этом смысл?

— О боже, какой же ты… Не смей нечто подобное ляпнуть в пансионе. Не дай бог эту глупость услышит Денки… — сказал начальник штаба и, тяжело вздохнув, продолжил: — Инка, лапочка, ты уж проследи за своим глупым братцем.

— Хорошо, — сказала девушка и, взглянув на рассерженное лицо брата, продолжила: — Пошли спать, пожалуйста.

Ёкай нехотя кивнул, и они ступили на гранитный пол вестибюля метро, который был заставлен палатками, ящиками разных форм и размеров, столами, стульями и прочим всевозможным барахлом. Порой становилось настолько тесно, что даже яблоку негде было упасть среди этого мусора, окутанного полумраком, в котором эхом разносился чей-то хриплый, заливистый смех. А из встречающихся на их пути палаток доносились слабые голоса и надрывный, раскатистый храп. На девушку подобная атмосфера настолько сильно давила, что она даже взяла брата за руку. Однако пугала её вовсе не темнота или гнетущая атмосфера мёртвого города, а необходимость находиться с большим количеством людей под одной крышей. Именно поэтому им была выделена отдельная крохотная комнатка, с надписью «полиция» на металлической двери.

Сняв плащи и не снимая формы, они отстегнули мечи и положили их у изголовья раскладных кроватей, которые хотя и стояли у противоположных стен, но расстояние между ними было не более метра. По сути, они являлись почти единственной мебелью в комнате, так как в роли общего прикроватного столика служил накрытый скатертью ящик, на котором хило горела свеча.

— Не думай об этом, спокойной ночи, — устало сказала Инка и укуталась пледом, продолжив смотреть на задумчивое лицо брата.

— Знаешь что? А пойдём-ка мы завтра с тобой погуляем? Интересно, каков он, этот двести тринадцатый, — хриплым голосом сказал Ёкай, словно не расслышав её слов.

— Погуляем? — радостно сказала она, не оставив в голосе и тени усталости, но быстро осеклась, покраснела и спустя короткую паузу спокойно добавила: — Я слышала там очень мило и у граждан много свобод. Даже свой торговый квартал есть.

— Вот и узнаем, так ли это. А сейчас давай спать, спокойной ночи.

Девушка промычала своё согласие и практически сразу заснула, а вот юноше по-прежнему не спалось. Он прислушивался к её тихому посапыванию, борясь при этом с резко нахлынувшим на него дурным предчувствием. Они находились одни в тесной комнатке, но ему казалось, что их кровати расположены в центре огромной арены и тысячи зрителей пристально наблюдают за каждым их малейшим движением. Ощущение этого недоброго взгляда было везде и нигде одновременно. Нечто похожее бывает тогда, когда кто-то пристально смотрит в твоём направлении, а в действительности его взгляд сфокусирован на чём-то другом и ему до тебя совершенно нет никакого дела. Однако, даже прекрасно сознавая это, ты всё равно испытываешь некий дискомфорт и с трудом удерживаешь себя от того, чтобы скрыться от него за столбом или ближайшим припаркованным автомобилем. Примерно это сейчас ощущал Ёкай, беспокойно ворочаясь, пока его терпению окончательно не пришёл конец, и он не уселся в кровати, положив на колени катану.

В этот самый момент, лежащая на больничной койке Кингжао резко раскрыла глаза и закричала, сильно перепугав медсестру, которая беззаботно дремала на стуле у изголовья кровати. На эти душераздирающие крики в палату вбежал мужчина, вооружённый винтовкой, но девушка в белом халате жестом остановила его и принялась успокаивать пациентку.

— Отпустите… отпустите меня! — рыдая взмолилась Кингжао, пытаясь вырваться из ремней, которыми её приковали к кровати. — Пожалуйста, нет… отпустите меня, я не хочу!

— С вами всё будет в порядке! Мы не причиним вам вреда! У вас несколько серьёзных переломов, но вашей жизни ничего не угрожает и… — дрожащим голосом сказала медсестра и всем телом навались на её сломанную руку, чтобы она не размахивала ей из стороны в сторону. Это была единственная часть тела, которая не была зафиксирована ремнями.

Медсестра сама едва сдерживала слёзы, наблюдая за её агонией. Но давать больной обезболивающее было строго-настрого запрещено из-за дефицита и его баснословной стоимости. Однако девушка сжалилась над ней, приказав мужчине покинуть палату, а сама побежала за морфином.

Когда она вернулась, Кингжао уже перестала кричать и вырываться, но продолжила беззвучно плакать. Слёзы без остановки лились по её щекам, и она даже не шелохнулась, когда

медсестра сделала ей укол, а только лишь шёпотом сказала:

— Прошу вас... не делайте этого.

— Не волнуйтесь. Это всего-навсего обезболивающее, сейчас вам станет чуточку легче. У вас раздроблена тазовая кость, сломано несколько рёбер, рука, ключица и... Но с вами всё будет хорошо, я обещаю.

— Нет! Пожалуйста! — Кингжао зарыдала и снова начала кричать. Подобное поведение напугало медсестру и в конце концов она решила позвать врача, опоясать открывшегося внутреннего кровотечения или ещё чего похуже.

Юноша тем временем продолжал сидеть на кровати, нервно водя рукой по ножнам меча, пока не расслышал за дверью голос незнакомой девушки, которая, запыхавшись, кого-то звала. Но страха или мольбы в её голосе он не расслышал, поэтому не придал этому большого значение, пока стены их комнаты не содрогнулись от взрыва.

— Инка, свет! — закричал юноша и принялся на ощупь обувать солдатские ботинки.

Девушка вскочила и её глаза тут же вспыхнули голубоватым сиянием, а из бетонного пола выплыл блуждающий огонёк, осветив комнату тусклым светом. Она ещё не совсем поняла, что происходит и взрыв для неё казался частью ночного кошмара. Однако глядя на брата, который с сияющими белым цветом глазами поспешно обувает ботинки — поняла, что это не сон и случилось нечто ужасное, о чём свидетельствовали жалобные стоны за дверью. Поэтому, не теряя времени, Инка выбралась из-под пледа и обулась в чёрные сапожки на молнии.

Пристегнув к поясам мечи, они надели плащи и подошли к двери, замок которой заклинило из-за ударной волны. Безуспешно подёргав ручку, Ёкай было решил выбить дверь при помощи силы, но остановился, подумав, что за ней могут оказаться раненые. Тогда у юноши вспыхнули белым сиянием кончики пальцев левой руки и он, словно в поспевшее тесто, вонзил их в железо в районе замка и со страшным скрежетом вынул наружу все его внутренности. После чего дверь без особых усилий открылась.

Пыль, темнота, удушливые стоны и кашель. Атмосфера была настолько ужасающей, что Инка даже положила правую руку на рукоять меча. Однако ни последующих взрывов, ни звуков стрельбы слышно не было. Настала кромешная тишина, которая пугала ещё сильнее, чем если бы на их головы посыпались бомбы.

— Инка, чувствуешь раненых, убитых?

— Да, — сказала девушка и указала рукой в направлении пяти голубых огней, мутный свет которых прорезался сквозь густую непроглядную пыль.

Быстрый топот дюжины людей, подымающихся наверх по прорезиненной лестнице эскалатора, привлёк их внимание — это была группа сохэев низших рангов, вооружённых винтовками и щитами. Последним бежал начальник штаба, стоило которому только заметить светящиеся глаза близнецов, как он тут же громко сказал:

— Инка, солнышко, подсвети раненных!

— Уже! — сказал Ёкай. — Что произошло? Где враг?

— Взрыв в корпусе… в лазарете!

— Там были люди?

— Нет… да, были!

Юноша посмотрел в светящиеся глаза сестры и, ни говоря не слова, они побежали на улицу. Стеклянный козырёк, который пережил Буйство стихий, последующую войну и даже первомайский инцидент был разрушен и лежал на земле, частично загораживая проход. Калёное стекло по-прежнему удерживали слои плёнки, не дающие ему рассыпаться в мелкую крошку, поэтому они спокойно перебрались через него и побежали налево, к небольшой одноэтажной пристройке, которая раньше служила музеем метрополитена, а с конца тридцать первого года была переоборудована в лазарет. От здания из стекла и бетона совершенно ничего не осталось. Его обломки были повсюду и шансы на спасение хоть кого-то устремились к нулю. Поэтому Ёкай остановился и придержал сестру за плечо, решив не приближаться к развалинам, опасаясь повторной атаки. Вместо этого они пристально смотрели на стену основного здания метрополитена, которая чудом устояла, выдержав безумный по силе удар. Только лишь у самого её основания имелась дыра размером с фургон. А всё что выше запросто выстояло, во много благодаря треугольным формам наружной стены, которая успешно погасила ударную волну.

«Боже мой!» — послышался голос начальника штаба, который подбежал к ним в компании низенькой, хрупкой девушки в белом халате. Она была вся усыпана пылью, а из раны на её голове слабо сочилась кровь.

— Что здесь произошло? — сказал Ёкай.

— Я не знаю… — с трудом сдерживая рыдания сказала девушка. — Я была с пациенткой и ей резко стало хуже, поэтому я побежала за врачом и тут…

— Сколько там было людей?

— Не знаю, наверное, никого… То есть я и пациентка… и ещё мужчина. Он её охранял.

— Под пациенткой вы имеете в виду женщину с короткой стрижкой?

— Да, она недавно очнулась, начала бредить, плакать, пытаться вырваться из ремней. Я очень испугалась и думала, что…

Девушку прервали рыдания, а Инка сразу же отвела её в сторону и начала ей на ухо что-то нашёптывать, пытаясь утешить. Глаза юноши тем временем лишились сияния, и он посмотрел на начальника штаба. Мужчина в свою очередь пожал плечами и сказал:

— Взорвала саму себя? Такое вообще возможно?

— В теории да, но я никогда ни с чем подобным не сталкивался, — задумчиво сказал Ёкай. — Однако это точно не наш случай.

— Что ты имеешь в виду?

— Эта девушка… она магнетик и не владела силовыми полями на достаточном уровне, чтобы устроить нечто подобное. И на бомбу это не похоже.

— Тогда что же это могло быть?

— Не знаю и сейчас не время думать об этом. Нужно помочь раненным. Инка, идём назад, нам понадобится свет!

В вестибюле метрополитена царила всеобщая паника, сопровождаемая стонами, плачем и мольбами о помощи. Пыль к этому времени уже окончательно осела, обнажив истинную картину разрушений, источником которой послужила разлетевшаяся вдребезги стена. Повсюду лежали острые как бритва осколки бетона, которые, разлетаясь в разные стороны, запросто пробивали насквозь деревянные ящики и тела несчастных, собравшихся этой ночью в вестибюле лишь для того, чтобы отпраздновать маленькую победу над правительственной армией.

Грохот взрыва не смог достичь стен двести тринадцатого. Однако сидящая в огромной постели девчонка, ещё какое-то время прислушивалась к гулу производственной зоны, доносившемуся из приоткрытого окна. Она ждала и знала, что если расслышит его, то ей станет только больнее. Ведь уже прошло более пяти минут, как её глаза лишились сияния, но не своего природного блеска, настолько сильного, что, казалось, она вот-вот расплачется. Но сколько бы грусти или тоски в них не было заключено — плакать она не намеривалась, хотя и очень хотела. В конце концов девочка с младенчества знала Кингжао, поэтому искренне верила, что поступила единственно верно. Будучи захваченной в плен, она представляла угрозу не только планам Альянса, но и конкретно ей. Поэтому нельзя было допустить утечки информации, которую, почти наверняка, смогли бы из неё вытянуть люди из Сопротивления. И хотя она не была до конца уверена, что они располагают необходимой для этого силой — рисковать было нельзя, как и организовывать операцию по спасению. На нечто подобное она ни за что не

получила бы согласия. Да и шанс самой погибнуть при этом был настолько велик, что она сразу отогнала от себя все подобные мысли.

Сняв с головы обруч, девочка убрала его в кейс и, хлопнув крышкой, устало рухнула на подушку. По строгому наставлению врача, она сменила футболку на тёплый вязаный свитер, а вокруг шеи намотала широкий шерстяной шарф, который очень неприятно кололся. Но на протяжении всего дня ей было настолько дурно, что во время работы она даже несколько раз теряла сознание. Поэтому ближе к вечеру девочка вовсе перестала обращать внимание на подобную мелочь.

Прикроватный столик, на котором ранее лежал только кейс и стакан воды, теперь был заставлен лекарствами, фруктами и сладостями. Но ни к чему из этого она не притронулась, проведя всю вторую половину дня за наблюдениями, которые ни к чему, кроме как до изнеможения, её не привели. А в данный момент разум девочки затуманился настолько, что она даже засомневалась в правильности поспешно принятого решения. Однако сомнения развеял тихий стук в дверь и показавшийся на пороге мужчина в белой рубашке.

— Доброй ночи, госпожа. Вы звали меня?

— Да... — прохрипела она и раскашлялась.

Мужчина почти минуту молча наблюдал за её страданиями, пока не расслышал в голове слабый голос: «Досье, на столе... две папки. Чтобы до конца недели их головы лежали отдельно от туловищ. Вопросы?»

— Как прикажете, — сказал он и, подойдя к столу, начал изучать бумаги. — Для их устранения могут потребоваться радикальные меры. Думаете, это не помешает нашим планам?

«Скорее, наоборот, поможет спровоцировать объект на активные действия. Я целый день провела за его поисками, но всё без толку… он либо покинул город, либо очень хорошо прячется. Я ни малейшего намёка на применение его силы не обнаружила. Так что можете действовать максимально жёстко и открыто, но ни в коем случае не от лица Альянса. А в остальном никаких ограничений у вас нет. Чем больше паники среди мирного населения посеете, тем лучше. Можете хоть половину города уничтожить с этой целью», — расслышал в своей голове мужчина и, поразмыслив, сказал:

— Вас понял. Разрешите приступить? —Девочка вынула из-под одеяла свою крохотную, бледную ручку и показала большой палец. — Можете более ни о чём не беспокоиться и отдыхать. Я лично прослежу за ходом выполнения миссии. Спокойной ночи, госпожа.

Мужчина захватил с собой папки и вышел за дверь, замок которой тут же с хрустом закрылся. Только тогда девочка убрала от лица одеяло, обнажив за ним полные слёз тёмно-зелёные глаза.

«Прости меня, — подумала она про себя. — Я не могла поступить по-другому. Возможно, сложись всё иначе, я приняла бы риски и пошла против совета, но ты... Ты уже никогда не смогла бы ходить. Скажи я тебе об этом — ты сама попросила бы смерти. Но тогда ты ушла бы из мира с чувством вины, что принудила меня к этому. А я не хотела этого. Не хотела, чтобы ты страдала и при жизни, и после смерти. Покойся с миром, Кингжао. Ты была для меня как родная сестра».

Не прошло и пары минут, как девочка провалилась в поверхностный, беспокойный сон без сновидений. В этот момент солнце уже начало лениво вздыматься над горизонтом, а его первые лучи забрезжили в окно второго этажа булочной. Обитатель этой крохотной комнаты ещё крепко спал, по крайней мере это касалось рыжеволосой девчонки. А вот её пепельноволосая соседка уже вовсю бодрствовала и радостно смеялась.

Будучи разбуженной её смехом, Элиан ещё какое-то время лежала с закрытыми глазами, прислушиваясь к тому, о чём она говорит. В какой-то момент ей даже показалось, что это всё ещё сон. Но, открыв наконец глаза, она увидела Диану, которая стояла спиной в изголовье её кровати и возбуждённо рассказывала о том, как ей здесь хорошо.

— Так что ты не переживай за меня. Они очень добрые люди. Они заботятся обо мне и очень вкусно кормят. Мне особенно нравятся булочки! Их тут столько… и все такие вкусные и разные!

Элиан чуть привстала и посмотрела ей за спину, но никого не увидела. Хотя изначально была абсолютно уверена, что за ней прячется тот самый костлявый монстр или ещё чего похуже. Но в действительности девочка разговаривала сама с собой, пристально глядя в направлении разложенного кресла, на котором она до этого спала.

Разозлившись, Элиан едва не обозвала Диану чокнутой, но вовремя осеклась, когда поняла, что её разговоры с Энио со стороны выглядят в точности так же. Осознание этого даже вызвало на её лице улыбку и злость мгновенно рассеялась, как и тьма, которая ещё совсем недавно обволакивала комнату.

Шлёпнув свою болтливую соседку по попе, она резко потянула её за кофту и повалила к себе на кровать. Диана вскрикнула и на долю секунды глаза девочки окутала тьма, но Элиан не испугалась, а радостным тоном сказала:

— Ты чего расшумелась с утра пораньше?

— Папа приходил и спрашивал, как я.

— И как ты?

— Хорошо.

Элиан рассмеялась, посмотрела на разложенное кресло Энио и сказала:

— Ты знаешь, что твой папа работает у нас в производственной зоне?

— Нет, он не говорил мне об этом.

— Хочешь, мы как-нибудь потом проведаем его?

— Пошли! — радостно сказала она и вскочила с кровати.

— Не сейчас, глупая. Сначала нужно сделать тебе документы.

Диана понурила голову, и улыбка с её лица в мгновение стёрлась. Элиан пожалела, что необдуманно начала этот разговор, опасаясь, что сделала этим только хуже.

— Мой папа правда там работает?

«Какой чёрт дёрнул меня за язык?» — подумала Элиан, а вслух сказала:

— Да и мы обязательно потом сходим к нему. Я обещаю тебе.

— А когда?

— Скоро, потерпи немного. На днях я схожу в одно место и попрошу достать тебе необходимые бумаги. И как только мы их получим, то сразу же пойдём и навестим твоего папочку. Договорились?

Диана заключила Элиан в объятия и осыпала благодарностями её рыжую голову. Вот только у неё было такое ощущение, что она только что нагло ей соврала. Ведь в действительности проблема заключалась не столько в документах, сколько в её связи с молотом, которую простым росчерком пера разорвать не удастся. Да даже если она прикажет Энио убить их всех до единого — придут новые, ещё более жестокие люди, которые ни за что не оставят девочку в покое. Однако Элиан решила с утра пораньше не забивать этим голову и поднялась с постели, чтобы помочь тётушке с выпечкой, хотя она и не просила об этом.

С пяти и до восьми утра Элиан провозилась в булочной, отгоняя Диану от горячих духовок и раскладывая булочки по прилавкам. Она не была уверена, нужно ли сегодня идти в школу, но в начале девятого в дверях показалось прелестное личико Эльке, которая тут же была одарена свежей выпечкой.

— Что с твоей рукой? — тревожным тоном поинтересовалась она, когда увидела бинт.

— Производственная травма, — пошутила Элиан, а когда заметила недобрый взгляд Эльке, направленный на тётушку, продолжила: — Шучу, шучу… Дурачилась и больно ударилась. Ничего серьёзного, сегодня зайду к медсестре, пускай посмотрит.

— Ну ты даешь… Ладно, давай, идём, не то опоздаем.

Элиан пробурчала согласие, схватила Диану за руку и отвела к себе на второй этаж, чтобы провести краткий инструктаж по безопасности и попросить без дела не покидать комнату.

— Договорились? — сказала она. — Если тебе что-то понадобится, то зови тётушку. Лишний раз лучше не показывайся внизу. Просто если тебя заметит какой-нибудь плохой человек, то у нас будут очень большие неприятности. Хорошо?

— Угу.

— Так что моя комната полностью в твоём распоряжении. Можешь брать и читать абсолютно любые книги, но лучше присмотри что-нибудь на нижней полке. Там лежат всякие сказки и прочие детские книжки.

— Я не умею читать.

«Точно! И что ей тогда целый день делать одной? Нужно срочно что-то придумать, какое-то занятие», — подумала про себя Элиан. После чего вынула из коробки стопку журналов о дикой природе, вручила ей кипу тетрадей и карандашей, приказав до вечера научиться рисовать так же красиво, как на напечатанных в них рисунках. Однако девочка сказала, что это не рисунки, а фотографии, но она всё равно постарается. А когда Элиан уходила, то напоследок добавила, что она, между прочим, очень хорошо рисует. Якобы все в лаборатории восхищались её талантом.

— Ну тогда уж давай, удиви меня, — Элиан рассмеялась и взяла школьную сумку, — я постараюсь вернуться пораньше. Так что поторопись, у тебя мало времени.

— Угу, — пробурчала девочка и тут же взялась за работу.

Спустившись вниз, Элиан приняла от Эльке помощь в виде завязывания шнурков, а стоило им только выйти за дверь, как она услышала вполне ожидаемый вопрос.

— А кто эта девочка такая?.. То есть кем она тебе приходится?

— Вроде как кузина, наверное. Тётина родственница попросила за ней присмотреть, пока они улаживают какие-то дела… я, честно сказать, не вникала в этот вопрос. Самое главное, что она не очень болтливая и надоедливая.

Эльке почувствовала, что Элиан что-то скрывает, но решила довольствоваться этим ответом. В конце концов Диана, по её мнению, была самой обычной, милой, несмышлёной девочкой. Хотя всё же в глубине души ей не нравилось такое соседство, и она даже чуть не заявила об этом, но вовремя одумалась и тяжело вздохнула.

Не успели девочки пройти и пары домов, как Элиан почувствовала неприятный озноб и огляделась, но ничего подозрительного не заметила, кроме какого-то странного для этого времени суток столпотворения. И только когда она собиралась поинтересоваться у Эльке, что происходит — послышался сильный рёв дизельного двигателя и вой сирены.

Обернувшись, Элиан увидела фургон молота, который нёсся в их сторону с включёнными красно-синими проблесковыми маячками. Не то чтобы она испугалась, но резко отступила к стене и закрыла Эльке спиной, неосознанно желая защитить подругу от надвигающейся угрозы. Вот только автомобиль проехал мимо и остановился возле толпы, которая тут же пришла в движение, открыв взору девочек лежащее на земле тело.

Из фургона вышло двое безоружных солдат с военными носилками, на которые они поспешно водрузили всё ещё дышащего, но очень бледного мужчину. Далее зеваки помогли им занести его в кузов и фургон поспешно тронулся с места, открыв взору Элиан её дорогую частичку, которая всё это время скрывалась за ним. Она мило улыбалась и приветливо махала ей ручкой, зарождая у девочки дурное предчувствие.

— Кому-то стало плохо? — растерянно сказала Эльке.

— Похоже на то, — сказала Элиан, прекрасно понимая, что не всё так просто.

Ещё несколько долгих секунд девочки молча смотрели в направлении зевак, которые с растерянностью на лицах что-то обсуждали и не торопились расходиться. Им было очень интересно узнать, что же произошло с тем мужчиной, но они и так уже опаздывали, поэтому решили более не задерживаться и спешным шагом направились в школу. И если Эльке больше не смотрела в сторону этих людей, то Элиан тайком продолжила наблюдать за действиями своей дорогой частички.

Энио убрала руки за спину и с улыбкой уставилась на них. А стоило им только поравняться, как она воодушевлённым тоном сказала:

— Какой чудесный рыжий хвостик! Ты так выглядишь в несколько раз милее, чем когда пытаешься изобразить из себя злюку! Вот бы ты ещё свою прекрасную головку для меня открыла, чтобы мы смогли нормально общаться… Может быть, я тогда рассказала бы тебе, что здесь произошло. А может ты сама уже обо всё догадалась… В конце концов ты же почувствовала это?

Элиан даже не думала отвечать и прошла мимо, ожидая, что она будет преследовать их до самой школы. Но это было не так и до школьных ворот они дошли в полнейшем спокойствии, проведя это время за беседой о классической музыке.

До начала занятий ещё оставалось какое-то время, поэтому они решили пойти проведать Женю, которая за эти дни настолько сильно изменилась, что Элиан даже немножко опешила. Ведь девочка была не только ещё более разговорчивой и жизнерадостной, но и стала выглядеть немного иначе. Исчезли синяки под глазами, кожа лица приобрела более естественный цвет, а щёки теперь сверкали румянцем. Короче говоря, исчезло некое притворство, с которым она раньше смеялась или пыталась казаться весёлой. Теперь каждая улыбка и взгляд девочки выглядели настолько подлинными, что Элиан даже немного растрогалась, но не подала виду и позвала её к себе в гости.

Женя с радостью согласилась и тут же пригласила девочек как-нибудь наведаться к ней, в её новую квартиру, которая находится всего в двух шагах от торгового квартала. Она выглядела настолько счастливой, когда рассказывала о виде из окна, о внутреннем убранстве комнат и прочем, что Элиан даже не смогла сдержать улыбки и мысленно поблагодарила Филипа Марлоу. Ведь он сдержал обещание и её жизнерадостная улыбка прямое тому подтверждение.

Для Эльке её переезд оказался новостью, но она решила не узнавать подробности и довольствовалась кратким объяснением, которое заключалось в том, что её маму повысили по службе. Элиан было очень неприятно услышать эту ложь. Однако она решила защитить Женину тайну, искренне порадовавшись за её мамочку.

Школьный звонок неожиданно прервал их беседу, вынудив распрощаться с Женей и поспешно направиться в класс. Все уже давно сидели на своих местах и даже учитель с некой укоризной во взгляде посмотрел на запыхавшихся подруг, которые виновато извинились и уселись на свои места. В этот момент Элиан почувствовала себя одинокой, а причиной тому послужил пустующий стул, стоящий по соседству.

В череде этих безумных дней она успела забыть о печальной судьбе своего соседа по парте и была абсолютно уверена, что он уже давно сидит на своём месте. Но его нет и уже никогда не будет. Это мысль отозвалась настолько сильной болью в груди девочки, что ей даже стало трудно дышать. Однако она быстро справилась с этим неприятным ощущением и пришла в ужас при мысли о том, что на его месте могла оказаться Эльке, живущая с ним по соседству. И как бы она тогда на это отреагировала? Как бы она смогла жить с осознанием того, что больше никогда не увидит её? Не сможет с ней поговорить, взять за руку или послушать её замечательную игру на фортепьяно.

Уняв дрожь в руках, неожиданно начавшуюся на фоне этих ужасных мыслей, Элиан посмотрела на Эльке, но рыжая голова Энио заслонила её. Она сидела с ней за одной партой и с улыбкой на лице смотрела на школьную доску.

— Не отвлекайся, урок идёт. И внимательно слушай своего дорого учителя.

Элиан посмотрела на учительницу, которая в этот момент вышла из-за стола и сказала:

— Все здесь? Хорошо, у меня для вас есть небольшое объявление… Буквально перед самым началом занятий в школу пришла бумага из администрации, обязывающая нас предупредить

всех учащихся о возможной опасности. Хочется сразу отметить, что подробности мне неизвестны, но лучше отнестись к этому предостережению со всей серьёзностью. В конце концов ситуация действительно становится очень опасной, хотя, возможно, кто-то из вас уже слышал об этом и подумал, что это всё глупые шутки, но нет… В городе действительно объявлен режим повышенной опасности, связанный с резким ростом числа пострадавших от змеиных укусов. Точных цифр не публикуется, но сообщается, что яд этих змей смертельно опасен. Так что не приближайтесь к стене и старайтесь держаться подальше от любой растительности. В первую очередь это касается тех, кто живёт на западе жилой зоны. В бумаге говорится, что в том районе зафиксировано самое большое число пострадавших, — женщина тревожно вздохнула, оглядела озадаченных детей и продолжила: — Это, конечно, немножечко странно для двести тринадцатого, в котором змей отродясь почти не было, но всякое в жизни бывает… Так что берегите себя и внимательно смотрите под ноги. Змеи могут не только вылезти на брусчатку, чтобы погреться на солнце, но даже залезть к вам домой. Есть вопросы?

Класс промолчал, а Элиан переглянулась со своей дорогой соседкой по парте.

— Семнадцать человек только за утро, из них девать, нет, уже одиннадцать мертвы, — сказала Энио и, усмехнувшись, продолжила: — Вот только ни у кого из них в крови не обнаружили яд, да и следов змеиных укусов найдено не было. Интересно, не правда ли? Пора собирать твоё детективное агентство!

— Что тебе известно об этом? — прикрыв рот ладонью, прошептала Элиан.

— Ничего не скажу, пока не откроешь для меня свою глупую голову.

— Как? Я не закрывала её и не понимаю, что ты от меня хочешь.

Энио нахмурила брови и в этот момент послышался вой сирены фургона молота.

— Ещё шестеро… Прямо какое-то змеиное нашествие! Кровожадные змеи заполонили собой всю округу и даже ты теперь как маленькая рыжая змейка. Без конца злишься и злишься, даже на бедную Дианочку чуть не набросилась. И меня вот постоянно обижаешь, покусываешь… Но я всё равно люблю тебя!

Элиан устало вздохнула и совершенно случайно встретились с Эльке взглядом. Девочка мило ей улыбнулась и указала в направлении Айно, которая выглядела настолько разбитой и радостной одновременно, что их почти наверняка ждёт очень продолжительный рассказ о последних событиях в зоне отгрузки.

[*Блуждающий огонёк — в данном контексте имеются ввиду ониби (□□) — разновидность блуждающих огней из японского фольклора. Всего их насчитывается девять видов, а увиденные юношей относятся к типу инка (□□) — это ониби, которые появляются при появлении демонов и ёкаев.]

http://tl.rulate.ru/book/35291/1065810